

UDC/ЭОЖ/УДК 7.04

СІССТІ/FTAMP/MPHTH 18.71

«Doll Theme»: Quyrshaq in Rite, Ritual and Modern Artistic Practice

Zhanerke N. Shaygozova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Abai Qazaq National Pedagogical University, Almaty, Qazaqstan. E-mail: zanna_73@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8167-7598>

Keywords: doll; female deity; tradition; modernity; artistic practice; Qazaqs

Тірек сөздер: қуыршақ; әйел құдайы; дәстүр; қазіргі заман; көркемдік тәжірибе; қазақтар

Ключевые слова: кукла; женское божество; традиция; современность; художественная практика; казахи

The traditional Qazaq doll *quyrshaq* completely fell out of use with the advent of industrial designs of European-style children's dolls in the mid-twentieth century and, of course, with the leveling of the ritual tradition in the womb from which it originated. Starting from childhood, the doll transformed and accompanied its owner in direct and indirect form until old age. Hence, the traditional doll clearly demonstrates not only the chronology of a woman's life, but also characterizes the purely female process of "communication" with higher powers, i. e. deities and spirits of the dead. Consideration of *quyrshaq* as an integral part of the female subculture in historical retrospect through the prism of the sacred and profane will reveal its features, concretize the historical and cultural relationships between neighboring and related peoples, and also trace the genesis of the changing tradition from antiquity to the present. The study of the doll in the indicated aspects allows us to better understand its role in traditional culture and comprehend the "doll boom" observed in modern artistic practice. Thus, the purpose of this article is to identify and analyze the phenomenon of the Qazaq *quyrshaq* as an integral part of the female subculture, which allows us to trace the changing tradition in the unity of the sacred and profane aspects in diachronic and synchronic ways.

For citation: Shaygozova Zhanerke N. 2024. «Doll Theme»: Quyrshaq in Rite, Ritual and Modern Artistic Practice. *Qazaq Historical Review*, vol. 2, no. 2, 204–223 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.2.204.223>

«Қуыршақ тақырыбы»: әдет-ғұрып пен салт-дәстүрдегі және қазіргі заманғы көркемдік тәжірибедегі қуыршақтар

Жанерке Н. Шайгозова

педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

XX ғасырдың басында өндірісте жасалған Еуропа үлгісіндегі балалар қуыршақтары пайда болған соң қазақтың дәстүрлі қуыршақтары күнделікті қолданыстан толығымен шығып қалды. Бұл өзгеріс, әрине, әу бастағы қуыршақ салты мен әдет-ғұрпына да әсер етті. Тұлымшағы желбіреген кішкентай қыздың қолындағы қуыршақ біртіндеп өзгеше тұрпатқа ауысып, иесімен әртүрлі сипатта өмірінің соңына дейін біте қайнасты. Осылайша дәстүрлі қуыршақ – қыз-әйел өмірінің түрлі кезеңдерін ғана емес, жоғары күш – Құдай және әруақпен «қатынасын» да білдірді. Қуыршақты тарихи ретроспективада әйел субмәдениетінің ажырамас қастерлі бөлігі ретінде қарастыру – оның түпкі мәнін түсініп, көршілес және туыс халықтардың арасындағы тарихи-мәдени байланыстарды нақтылауға және ежелден бүгінге дейінгі өзгермелі қуыршақ дәстүрінің генезисін анықтауға мүмкіндік береді. Қуыршақты мұндай аспектіде зерттеу – оның дәстүрлі мәдениеттегі рөлі мен қазіргі заманғы көркемдік тәжірибеде байқалатын «қуыршақ бұмының» мәнін тереңірек түсінуге ықпал етеді. Мақаланың мақсаты – қазақ қуыршағы феноменін әйел субмәдениетінің ажырамас бөлігі ретінде терең талдау болып саналады.

Сілтеме жасау үшін: Шайгозова Ж.Н. «Қуыршақ тақырыбы»: әдет-ғұрып пен салт-дәстүрдегі және қазіргі заманғы көркемдік тәжірибедегі қуыршақтар. *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 2. 204–223-бб. (орысша). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.2.204.223>

«Кукольная тема»: куыршақ в обряде, ритуале и современной художественной практике

Жанерке Н. Шайгозова

кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

Традиционная казахская кукла *куыршақ* практически полностью вышла из употребления с появлением промышленных образцов детских кукол европейского типа в середине XX века и, безусловно с нивелированием обрядово-ритуальной традиции в лоне, которой она зародилась. Начиная, с малолетства трансформируясь кукла сопровождала свою хозяйку в непосредственной и опосредованной форме вплоть до самой старости. Отсюда, традиционная кукла рельефно демонстрирует не только хронологию женской жизни, но и характеризует чисто женский процесс «общения» с высшими силами – божествами и духами умерших. Рассмотрение *куыршақ* как неотъемлемой части женской субкультуры в исторической ретроспективе через призму сакрального и профанного позволит выявить ее особенности, конкретизировать историко-культурные взаимосвязи между соседними и родственными народами, а также проследить генезис меняющейся традиции от древности до современности. Исследование куклы в обозначенных аспектах позволяет глубже осознать ее роль в традиционной культуре и осмыслить «кукольный бум», наблюдаемый в современной художественной практике. Целью настоящей статьи является выявление и анализ феномена казахской *куыршақ* как неотъемлемой части женской субкультуры, позволяющей проследить меняющуюся традицию в единстве сакрального и профанного аспектов в диахроническом и синхроническом срезе.

Для цитирования: Шайгозова Ж.Н. «Кукольная тема»: куыршақ в обряде, ритуале и современной художественной практике. *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 2. С. 204–223. DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.2.204.223>

Введение

Тюркская кукла в различных ее видах – женских домашних идиолов алтайских тюрков [Дыренкова 1937], турецкого теневого кукольного театра *Karagöz* [Мартинович 1910; Серебрякова 2015], турецкой обрядовой куклы для вызывания дождя *ягмур дуасы* [Серебрякова 1998], узбекской детской куклы и ее инвентаря [Пещерева 1957], ритуальной куклы и детской игрушки сибирских татар [Faizullina et al. 2016], хакасских детских игрушек и ритуалов, связанных с ними [Кустова: 2018] и многие другие не раз становилась объектом исследования.

Однако, непосредственно казахская кукла (*куыршақ*) остается малоизученным феноменом и исследовалась лишь эпизодически, точнее, рассмотрены лишь ее отдельные аспекты. Так, некоторые сведения можно почерпнуть из работ Григория Потанина [Потанин 1883] и других исследователей, рассматривающих практику казахской ритуальной куклы – *тул*; о традиционных видах детских игрушек казахов Мангышлака (Мангыстау) в работе Рихарда Карутца [Карутц 1903]; а также из трудов Инги Стасевич [Стасевич 2007; Стасевич 2008], повествующих об игровом воспитании и обучении детей в традиционной культуре казахов и труде Молдир Нурпеис (Мөлдiр Нүрпеiс), изучающей феномен казахстанской художественной куклы [Нурпеис: 2012]. Целостное же концептуальное осмысление роли казахской куклы как части женской субкультуры, выходящее за рамки историко-этнографического анализа не проводилось.

Казахская кукла в своем первоизданном виде уже давно исчезла из детской и обрядово-ритуальной практики, а сегодня она лишь перманентно проявляется у современных лекарей и знахарей (шаманская практика).

Однако сейчас *куыршақ* в новом облики переживает своеобразный ренессанс в формате авторского художественного произведения и уникальной сувенирной продукции. Тому пример ряд казахстанских кукольных фестивалей и выставок (Кукольный фестиваль

«Куралай», Алматы 2018; Международный кукольный фестиваль, Астана 2019; ряд фестивалей кукол «Ортеке»), проходивших в различных областях Казахстана. В этом же ряду можно назвать творчество мастериц-кукольниц из «Центра Вселенной кукол» систематически, устраивающих выставки авторских кукол – «Куклы приглашают – 2018», «Вместе навсегда» (Алматы 2018, 2019), AsiaDoll (Алматы 2023). Их творчество неизменно привлекает внимание.

С чем связано настоящее явление, каковы его истоки, является ли оно забавой, творчеством и арт-бизнесом одновременно, или все же это нечто большее, корнящееся в глубинах исторической памяти, генетическом коде и природной сущности женщин?

Поиск ответов на эти и другие вопросы является проблемным полем настоящей статьи.

Отсюда, цель статьи заключается в выявлении и анализе феномена казахского феномена *куыршақ* как неотъемлемой части женской субкультуры, позволяющего проследить меняющуюся традицию в единстве сакрального и профанного аспектов в диахроническом и синхронических срезах.

Методы и материалы

В процессе исследования использованы ретроспективный, сравнительно-сопоставительный, структурно-функциональный и семиотические подходы. Сведения о казахской кукле и домашних идолах как ее культурных прототипах собраны автором из различных источников, уточнены во время натурных обследований археологических и этнографических музейных экспонатов, а также полевых исследований в среде жительниц Алма-тинской, Карагандинской и других областей Казахстана в 2017–2019 годах.

Уникальные коллекции аутентичных казахских детских и шаманских кукол конца XIX – начала XX веков, хранящиеся в собраниях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН), Российского этнографического музея (РЭМ) и Центральном государственном музее Республики Казахстан (ЦГМ РК), обследованы автором в апреле–мае 2019 года. Современные художественные куклы с «национальным колоритом» изучены во время кукольных фестивалей в процессе интервьюирования казахстанских мастеров-кукольников в 2018–2023 годах.

Обсуждение и результаты

Культурный прототип казахской куклы: к этимологии *куыршақ*. Символически традиционная кукла и игрушка в целом, отражает все аспекты жизнедеятельности этноса, включая сакральный и профанные стороны границы, которые в народном представлении очень условны. Анализ этнографических материалов [Пещерева 1957; Ботякова 1995; Кидиекова, Кустова 2012] показал, что тюркская кукла функционировала как минимум в двух аспектах: **обрядово-ритуальной** и **игровой**. Некоторые типы традиционной казахской куклы в контексте обрядовой и игровой практик, которые представлены в ниже (см.: Таб. 1) были выделены автором этих строк на основе изучения этнографических, археологических и других материалов [Грязнов 1962; Тохтабаева 2013; Сейдембек 2011; Стасевич 2007].

Анализ многочисленных этнографических и фольклорных данных [Потанин 1883; Карутц 1903; Дьяконова 1982; Кустова 2018] позволяет утверждать, что кукла как культурный феномен восходит к древнейшим представлениям тюркоязычных народов о женских духах-покровителях, а казахи здесь не составляют исключения.

Table 1. The types of traditional Qazaq dolls
1-кесте. Қазақтың дәстүрлі куыршақтарының типтері
Таб. 1. Типы традиционных казахских кукол

Обрядово-ритуальная кукла (сакральный контекст)		Детская кукла (профанный контекст)		
Домашнее божество (идол)		Тряпичная кукла Подтипы тряпичных кукол		
Антропоморфные костяные фигурки (конские бабки)	Антропоморфные статуэтки из камня, алебастра и других материалов	Зольная кукла	Чиевая кукла	Кукла с каркасной основой из прутиков
Тул – ритуальная кукла-двойник усопшего		Ортеке – деревянная кукла		
Обрядовые куклы на Наурыз		Образы животных (горных козлов и др.) из глины и других материалов	Антропоморфные фигурки из глины и других материалов	
Шаманская кукла, используемая в лечебных целях		Войлочная кукла		
Магическая кукла, используемая в обрядах колдовства, порчи и т.д.				

Их краткая сравнительная характеристика представлена в графическом виде ниже (см.: Таб. 2). На наш взгляд, такой анализ при скупых и отрывочных письменных данных непосредственно о казахской кукле позволяет реконструировать многие ее содержательные компоненты.

Table 2. Female patron spirits as prototypes of children's dolls
2-кесте. Бала куыршағының ұқсайтын «әйел жебеушісі»
Таб. 2. Женские духи-покровители как прообразы детских кукол

Этнос/народность	Название и вид куклы	Виды действий (манипуляций)
Телеуты	Куклы назывались <i>эмендегеры</i> . Они изготавливались из деревянных брусочков или из набитых травой мешочков. На головку фигурки пришивались бисеринки – глаза, тело украшали платьем. Внешне они представляют собой фигуры продолговатой формы из кендырной ткани. Контуры лица обозначались красной краской.	Эти куклы передавались от матери к дочери, которые последняя забирала с собой выходя замуж. Их хранили, берегли и совершали с ними обряды (кормление, опрыскивание и др.). Примерно раз в десять лет <i>эмендедерам</i> приносили кровавую жертву – белую овцу. Куклы олицетворяли родоначальниц, женских предков и покровительниц рода, заботящимися о его благополучии и размножении.
Барабинские татары	Божествами были куклы, им поклонялись и приносили в жертву животных.	Кукол наряжали в разноцветные тряпки и ставили в угол. Когда убивали скот или птицу, их кровью обрызгивали куклу. Для кукол изготавливали специальные ящики, ставили в них кукол и выносили ящики на улицу или в поле в специально вырытую яму.
Чукчи	Куклы назывались <i>аочелқыт</i> . Они изображают людей, мужчин и женщин, но всего чаще детей, особенно грудных. Внешне они выглядели реалистично.	Они функционировали как игрушки и покровительницы женского плодородия. Девушка, выходя замуж, забирает их из родительского дома. Хранятся под изголовьем кровати, чтобы с помощью их воздействия получить быстрее детей. Такая кукла считалась залогом плодородия семьи, и отдавать их посторонним было нельзя. Чукотская мать давала своим дочерям поиграть в эти куклы, которые впоследствии передавались по наследству от поколения к поколению. Если же кукла была одна, ее отдавали старшей дочери, а для младших делались новые.

Продолжение табл. 2

Сибирские татары	Идол <i>курцак</i> или <i>курчак</i> изготовлялся из дерева и прибивался к крыше дома.	Его кормили, поили и одевали. Могли быть мужские и женские <i>курцак</i> .
Казахи	Виды обрядовых кукол (обычно тряпичных), связанных с женской ипостасью	<p>Ритуальная кукла-двойник усопшего мужа, которую изготовляла вдова. Она в определенное время кормила и поила куклы, укладывала с собой постель.</p> <p>Два вида обрядовой куклы больших размеров, изготавливаемые на Наурыз. В одном варианте кукла привязывалась на животное (жеребец, или молодой бычок), в другом варианте она символизировала <i>су қатын</i> (водяная женщина).</p> <p>Кукла активно использовалась в ритуалах камлания шаманов (баксы) при лечении бесплодных женщин или заболевших детей.</p>

Данные, представленные в таблице 2 позволяют вычленить следующую цепочку в осмыслении феномена куклы:

- одушевленное существо, «она живая»;
- передаются от матери к дочери;
- является своеобразным материальным свидетельством материнского завета;
- необходимо носить с собой (уносить в дом будущего мужа);
- за ней необходимо ухаживать (шить новую одежду, кормить и т.д.), что означает проведение с ней определенных обрядовых манипуляций;
- является покровительницей своей хозяйки;
- связана с женской обрядовой/сакральной ипостасью;
- проводник в «мир мертвых» и посредник в сеансах лечения.

О традиционных казахских куклах интересные сведения представлены в археолого-этнографических исследованиях. Речь идет об оригинальных поделках из конской бабки, обнаруженных Михаилом Грязновым [Грязнов 1962] и Сергеем Черниковым [Черников 1960], которые представляют собой антропоморфные фигурки, на головке которых просверлены отверстия, куда были вставлены цилиндрические бусы-глазки, которые по предположению ученых являлись домашними женскими духами:

еще недавно хакасские и казахские девочки играли в куклы из конских бабок, наряженных в сшитые для них платья. Надо полагать, что эти детские игры, как и некоторые другие, являются пережитками древних культовых обрядов... возможно, что в качестве божков или духов употреблялись и совсем необработанные бабки, т.е. без просверленных в них отверстий и без вставок [Грязнов 1962: 27].

Этим объясняется огромное количество археологических находок в виде конских бабок на всей территории Евразии (Рис. 1).

В свою очередь, Юлия Кустова [Кустова 2018] отмечает, что в хакасском жилище присутствовало большое количество *тӱс'ей* (идолов) в виде костяных бабок, которым поклонялись и украшали, обертывая лоскутками ткани. Они также широко использовались в играх хакасских девочек. Такие куклы были связаны с женским миром и изготавливались ими самими, и конечно, же никому не показывались. Хранились они на специальной полке у изголовья кровати, под подушкой, матрасом.

Использование конских бабок в игре казахских детей подтверждают сведения наших информаторов. Жительницы Жанаркинского райного Карагандинской области (Центральный Казахстан) сестры Манара и Венера Шаленовы (1983; 1989) отмечают, что лошадиную или

Fig. 1. An anthropomorphic figurine from the Ob River with its alleged original appearance [Грязнов 1962]

1-сур. Обь өзені маңынан табылған антроморфты мүсін. Болжалды бастапқы түрі [Грязнов 1962]
Рис. 1. Антропоморфная фигурка с реки Обь и её предполагаемый первоначальный вид [Грязнов 1962]

коровью бабку они называют *топай*, с которыми они играли в детстве как с *асыками* (бараньими астрагалами). Отголоски сакрализации лодыжки в целом прослеживаются в сохранившейся до наших дней казахской детско-молодежной игре-пари «*тобық жасыру*» («скрывание лодыжки»). Вкратце, сущность игры заключается в обмене лодыжками (обычно мелкого животного) между двумя играющими, которые имеют право затребовать ее предоставить от «соперника» в любой момент. При обмене лодыжками играющие обещают подарить другому определенную дорогую вещь. Поигравшим считается тот, кто не смог предъявить лодыжку при первом же спросе о ней.

Наличие культа женского божества в казахской культуре красноречиво демонстрирует традиционное декоративное искусство. Так, в культовой архитектуре малых форм – образцов казахского камнерезного искусства одной из популярных форм декора является орнамент *Улы Ана* (Великая Праматерь), который «представляет собой стилизованное изображение женщины с заключенным в глубине ее утробы драгоценным плодом – ребенком [Кажгали улы 2003: 329]. Немало примеров содержит и ювелирное искусство казахов. Например, в частной коллекции сотрудника Государственного музея искусств имени Абылхана Кастеева Анжелики Акилбековой хранится один редкий экземпляр – образец ювелирного мастерства Западного Казахстана, ориентировочно датируемый концом XIX века. Это серебряная подвеска антропоморфной формы, в которой четко выделяются голова, туловище и ноги, а руки (утерянные) видимо были выполнены в виде цепочки, так как для них приготовлены специальные закрепки. Большой овальный камень, окаймлённый узорной нитью оформлен в центре туловища фигуры, что подчеркивает женскую ипостась (Рис. 2), изображая беременность или акцентируя внимание на животворящем «женском месте».

Fig. 2. Jewelry in the form of a female figure (approximately 19th century). The personal collection of A.R. Akilbekova. Photo by Zhanerke Shaygozova

2-сур. Әйел мүсініне ұқсас әшекей (шамамен XIX ғасыр). Анжелика Ақылбекованың жеке коллекциясы. Жанерке Шайғозова түсірген фото

Рис. 2. Ювелирное украшение в виде женской фигуры (ориентировочно XIX век). Частная коллекция Анжелики Акилбековой. Фото Жанерке Шайгозовой

Как отмечает О.Белякова «в позднейшей традиции Умай, рисуется, главным образом, покровительницей и охранительницей беременных, рожениц, новорожденных, кормящих матерей, малых детей, хранительницей потомства, очага, определяется богиней плодородия» [Белякова 1999: 251]. На голове, анализируемой фигуры четко выделяются выпуклости в виде рогов – древнейшем символе божественного. Весь образ кулона наталкивает на мысль о том, что это визуальное изображение древнего женского божества (возможно древнетюркской богини Умай).

Таким образом, конская бабка как прототип детской куклы соединяет в единую ткань обрядово-ритуальную и игровую практики, действуя по схеме – «ритуал происходит из игры – игра представляет собой вырожденный ритуал» [Цивьян 2008: 58]. По всей видимости, в архаичной и традиционной культуре дети были включены в процесс культовой практики как части жизни рода / племени. Отсюда, можно предположить, что детская игра с культовыми предметами (в данном случае конскими бабками) была одним из способов подражания девочек женскому миру взрослых, приобщение к сфере женского сакрального в самом широком смысле. Ведь, «комплекс верований и обрядов» так называемого «детского цикла» в основном охватывает женскую часть населения, а женщины являются хранительницами и исполнителями большинства семейных религиозных обрядов [Толеубаев 1991: 40]. На взгляд современника столь незначительный предмет как лошадиный астрагал в архаико-традиционном обществе, благодаря живой женской фантазии в одних руках стал антропоморфным фетишем, а в детских – игрушкой, репрезентируя мотив двойничества.

Приведем некоторые версии этимологического разбора термина *қуыршақ* на основе лингвокультурологического подхода. Само слово состоит из двух частей – *қуыр* и *шақ*. Пер-

вая часть в переводе означает «обжаренный», «обугленный», в более широком смысле – «обоженный», а окончание «-шақ» очень часто у казахов употребляется в значение чего-то маленького, миниатюрного. В народном представлении широко бытует мнение о происхождении слова *куыршақ* от понятия «обоженный». Другая, народная версия о происхождении куклы возводит ее к легендарному Коркыт-Ата – Первошаману в казахской (тюркской) мифологии. Считается, что от Коркыта же пошли и детские игры. Когда дети Коркыта поженились, он устроил празднество. Не найдя по бедности хлеба, он сделал из глины лепешки и положил их на скатерть (дастархан), чтобы не было пусто. С тех пор дети и мастертят для своих игр, подражая настоящим вещам, в частности, куклы – *когурчак* [Нысанбаев 1999: 77].

Однако, ученые высказывают и другие версии. Одна из них может быть основана на следующем. Возможно, что казахское *куыршақ* происходит от, бытующего у татар в виде *курцак* (*конырцак*), *курчак* (*конырчак*), кыргызов *курчак* восходит к *корсак* – брюхо, *корсаклу* – беременная (*курсаклу*), *корсаклу қал* – забеременеть [Кидиекова, Кустова 2012 155]. В казахском языке слово *қурсақ* означает не только *брюхо и живот*, но и употребляется в значении *утроба, чрево, материнское лоно*. Не исключено, что совпадение фонетической формы казахских слов *қурсақ* и *куыршақ*, на наш взгляд имеет под собой и совпадение другого уровня – на уровне символично-семантических значений. Вероятнее всего, здесь представлена многоуровневая система переплетенных понятий, выражающаяся в давно забытом мифологическом образе. Отожествление *куыршақ* – куклы с материнским лоном (или происхождение первого от второго) имеет основание. Возможно, что семантически данное слово связано с архетипом Великой Праматери (в казахской мифологии *Улы Ана*), глобальная сущность которой «рождающее чрево». Создавая – «рождая» куклу женщина / девочка как бы репрезентирует Творца, в этом смысле создание куклы – это акт творения и уплотнения идей / представлений в форме уже собственного творчества, то есть – это живой опыт порождения «живого» объекта.

Представим другую версию. Марат Семби анализируя, «мир мертвых» в фольклоре тюркских народов обращает внимание на то, что название «стороны заката солнца» – *qurijagi* – перенесено на наименование кукол, которое использовалось при лечении бесплодных женщин или заболевших детей [Семби 2013: 57]. Так, процедура использования кукол казахскими шаманами не раз была описана в этнографической литературе [Диваев 1899, Карутц 1903; Толеубаев 1991: 54; Басилов 1992: 152–154]. Эти куклы обычно изображали девушек или молодых.

Сравнивая, казахский и тувинский шаманизм на основе огромного фактологического материала Рустем Досмурзинов отмечает:

...и тувинские, и казахские шаманы изготавливали фигурки (в виде кукол), на которых в ходе сеансов «переносили» болезни [Досмурзинов 2023: 285].

Обратимся к фондовым коллекциям российских музеев. В фондах Российского этнографического музея (РЭМ) представлен один уникальный экземпляр шаманского атрибута. Он представляет собой конский череп, найденный Петром Островским в Кустанайском уезде в 1907 году. К нему даны такие пояснения: «конская голова, обернутая в тряпки от старого платья больной женщины и брошенная на дорогу баксой (знахарем) вместе с изображением джинов (?) в виде кукол» [Басилов 1992: 152–154]. По сведениям этнографов, число кукол обычно нечетное (3–5–7), а куклы воспринимались как образы злых духов, шайтанов. На представленной фотографии (Рис. 3) видно, что куклы имеют каркас в виде стебля.

Fig. 3. Horse skull used in shamanic ritual. Qazaqs. 1907 [Басилов 1992] 3-сур. Бақсылық дәстүрде пайдаланылған жылқының бас сүйегі. Қазақтар. 1907 жыл [Басилов 1992]
Рис. 3. Конский череп, использовавшийся в шаманском обряде. Казахи. 1907 год [Басилов 1992]

Fig. 4. Horse skull with ritual dolls. Qazaqs. Early 20th century. Eastern Qazaqstan, Akmola region, Pavlodar district. Russian Ethnographic Museum. Photo by Zhanerke Shaygozova
4-сур. Ғұрыптық қуыршақтары бар жылқының бас сүйегі. Қазақтар. XX ғасырдың басы. Шығыс Қазақстан, Ақмола облысы, Павлодар уезі. РЭМ. Жанерке Шайгөзова түсірген фото
Рис. 4. Череп лошади с ритуальными куклами. Казахи. Начало XX века. Восточный Казахстан, Акмолинская область, Павлодарский уезд. РЭМ. Фото Жанерке Шайгозовой

Из описания к экспонату следует: череп покрыт пятнами красной краски. Из семи бывших при нем кукол сохранились две. Затылочная часть покрыта куском материи, в которой завазана однокопеечная монета [Басилов 1992: 154].

Другой череп с куклами экспонировался во время выставки «Волшебный мир кукол: игра, ритуал, театр» в РЭМ с 27 февраля до 8 сентября 2019 года, где был изучен автором статьи (Рис. 4).

Интересно, что куклы в количестве двух штук представляют собой младенцев в белых пеленках с головками красного цвета. К экспонату даны следующие пояснения:

У кочевых народов Средней Азии и Казахстана казахов и киргизов куклы использовались в шаманских практиках. Ритуальных кукол изготавливали без использования деревянной крестовины. Их скручивали из хлопчатобумажных тканей, символически обозначая голову и тело.

О ритуальных казахских куклах Марат Семби пишет:

...куклу прятали, выбрасывали далеко за пределами аула или же сплавляли по реке в сторону «страны мертвых», то есть на запад, или на север; куклу изготавливали в связи с болезнью ребенка или отсутствием чада в семье; и, наконец, кукла, в которую «переселялась» болезнь, называлась так же, как и сторона света (запад), куда уходили души умерших детей [Семби 2013: 58].

Заслуживает внимание и другая версия этимологии анализируемого слова. В одном смысловом и фонетическом ряду со словом *куыршақ* находится словосочетание *көріс шақ*, что в переводе означает *тот, кто встречается с родными*. Если брать за основу мысль о том, что в тюркской культуре (например, хакасов, телеутов) – кукла для девушки, вышедшей замуж является проекцией ее родного дома, очага, материнского завета, то и приближение куклы с этим словосочетанием возможно имеет под собой рациональное зерно.

В контексте куклы как части женской субкультуры хотелось сказать и еще об одних разновидностях куклы. Первая из них вплетена в «ткань» траурной традиции. Так, практика «переноса» души в куклу, известная как *тул*, еще в начале XX века была весьма распространена у тюркоязычных народов Центральной Азии. Так, у казахов

самое распространенное изображение покойного представляло собой вертикально поставленную подушку, одетую в его одежду и поставленную в угол, отгороженный занавеской. Само выражение «сделать тул» означает «стать вдовой». ... вдова клала куклу покойного с собой в постель [Потанин 1883: 120].

Таких кукол кормили и поили женщины (супруга, дочери, снохи) в строго определенное время, причитая и восхваляя усопшего.

Кукла была значимым символическим образом у казахов в праздновании Наурыза. Об этом Акселеу Сейдедебек пишет:

в таком празднестве особое место занимают куклы. Для этого пригоняют необузданного жеребца, набрасывают на него самое старое седло, устанавливают на нем войлочную куклу в старой одежде, к хвосту жеребца привязывают старое ведро и со словами: «Ұлыс таң атып қалды, бар елге хабар бер!» – бьют тростинкой и отпускают. Необъезженный жеребец галопом пускается вскачь [Сейдедебек 2001: 216].

О другом виде куклы, используемой казахами на Наурыз, говорит этнограф Шайзада Тохтабаева: большую куклу наряжали в платье черного цвета, чтобы создать символический образ *сукатын* (водяная женщина). С этой куклой ходили по домам и пели обрядовые песни [Тохтабаева 2013: 193]. Вероятнее всего, что использование куклы в виде образа водяной женщины на Наурыз у казахов восходит к образу древнетюркской богини Жер-Су (Земля-Вода), отражающей почитание воды как источника жизни. Косвенно эту мысль

подтверждает, бытовавшая у ногайцев деревянная ритуальная кукла – *Андир шопай* или *Такта коршак*, используемая в обряде вызывания дождя. В определенный (заранее назначенный) день женщины собирались и делали чучело, на которое наизнанку одевали женское платье и подвязывали платок. Позже, дети в основном девочки ходили с ней по селу и пели обрядовую песню. Здесь использование кукол связано с ритуалами «переходного» типа (календарная обрядность, похороны, свадьба).

Подытоживая, необходимо отметить, что казахская игровая кукла вероятнее всего восходит к культу древнейшего женского божества, а возможно, что ее культурным прототипом являлась конская лодыжка, наряженная в «платье». Ее священность, особый статус никогда не умалялся и не подвергался сомнению. Она участвовала в различных видах обрядово-ритуальной практики, что подтверждается этнографическими данными и народными представлениями, сохранившиеся до сегодняшнего дня.

У сельских казахов до сих пор считается, что если девочка не играла с куклами или их не было у нее, то вполне вероятно, что она может оказаться бесплодной. То есть в народной культуре кукла была «живой», способной магическим образом стимулировать идею плодородия, и игра с ней (манипуляции в виде изготовления непосредственно куклы и ее инвентаря) всячески поощрялась. Единственным запретом было, не играть в вечернее время, когда «просыпалась» нечисть (джины, шайтаны), которые могут «вселиться» в куклу. Отсюда, и запрет на изображение лица.

Казахская *куыршақ*: игра как проекция будущего. У игровой тряпичной казахской куклы – *куыршақ* существует как минимум три известных нам подтипа: зольная, чиевая и кукла с каркасной основой из прутьиков. Каждая из видов уже давно музейная редкость, относительно прекрасные образцы казахских кукол в большем количестве с конструктивной основой в виде крестовины из прутьев или палочек хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН), Российском этнографическом музее (РЭМ) и Центральном государственном музее Республики Казахстан (ЦГМ РК). В казахстанском музее хранится незначительное количество кукол (3 экземпляра), датируемых серединой XX века.

Самые старинные образцы казахских *куыршақ* хранятся в МАЭ РАН. Они датируются двумя основными периодами – до 1910 года и началом XX века. Коллекция казахских кукол собиралась во время этнографических экспедиций и собирателями – частными лицами в различных областях Казахстана: Семипалатинская, Южно-Казахстанская, Акмолинская и других областях. Существенными особенностями кукол являются, что все они без лица. На крестовину-каркас закреплена голова, сшитая из белой ткани (или другого цвета ткани) и набита ватой. Костюмы реалистичны, где легко идентифицируется не только половая, но и возрастная принадлежность. Например, в коллекции хранится кукла-жених (№1287-102), кукла-женщина (№ 1749-13), кукла-девушка (№ 1749-11), кукла-молодуха (№1287-74) и так далее. Одежда и головной убор для кукол соответствовал традиционному костюму, отражая пол и определенную возрастную категорию. Куклам делали прически из нитей или конского волоса, на одежду прикрепляли «украшения», имитировавшие «настоящие». Гипотетически можно предположить, что куклы могли отражать и региональные, родовые отличия, так как часто одежда кукол практически полностью «повторяла» костюмы взрослых.

Около 50 экземпляров казахских кукол, датируемых началом XX века хранятся в РЭМ, где автором статьи также были проведены фондовые исследования. Основной фонд кукол сходен с коллекцией МАЭ РАН, но здесь уже встречаются образцы с оформленными лицами – вышитыми или нарисованными глазами, губами и носом. Это в основном образцы 30-х годов XX века, что несомненно связано с влиянием русской культуры.

Аналогичного мнения придерживаются исследователи хакасской традиционной куклы. Так Ольга Ахремчик, исследуя куклы из фонда Минусинского музея имени Н.М. Мартыанова, пишет:

детали лица отсутствуют, так как существовал запрет на детальную проработку лица и человеческой фигуры в детской игрушке, поэтому основной акцент делался на одежде кукол и кукольном инвентаре. Появление лиц и изготовление игрушек из ткани и дерева у хакасов связывают с влиянием русской культуры [Ахремчик 2022: 117].

К сожалению, образцы казахской зольной куклы нами не найдены, но по сведениям некоторых информаторов (Мадениет Нурланова, 1951 года рождения) она была обрядовой и семантически связана с представлениями о золе как сакральной субстанции. Дело в том, что в такую куклу помещали немного золы от очага при перекочевке, как бы сохраняя и перенося пепел родного очага в новое неосвоенное место. Также практически нет информации о таком типе куклы как чиевая кукла, называемая в народе *ши куыршақ*.

В процессе фондовых исследований в российских музеях обнаружены несколько кукол, намотанных на стебель чий. Они представляют собой достаточно примитивную конструкцию из лоскутов, в целом с узнаваемой антропоморфной формой. Их размеры в длину колеблются от 20 до 25 см. Стебель чий позволяет крутить игрушку в разные стороны. В целом, тряпичные куклы изготовлялись как взрослыми, так и самими детьми из обрезков различной материи (в основном хлопчатобумажной). Если для маленьких девочек куклы изготавливались бабушками, матерями или старшими сестрами, то впоследствии они мастерили их себе сами, получая первые навыки в области домашних художественных ремесел.

Сама же детская игра, вероятнее всего, это конструирование практически всех бытовых сцен (и не только бытовых) взрослой жизни, ее «проигрывание» в воображаемой реальности. Об этом Рихард Карутц пишет:

умственные занятия и физическая работа по хозяйству не заполняют целого дня ребенка; у него остается еще достаточно времени, чтобы придаваться лени, сну и играм, и в этом трио они находят подходящую подготовку к роли взрослого киргиза (казаха). В играх, здесь, как и повсюду, они учатся тому, чего от него потребует со временем жизнь: девочки одевают кукол, мальчики вырезают лошадок. Кроме того, девочки делают еще зверей из тряпочек или из костей: особенно смешны последние: нижние челюсти, обернутые тряпками, изображают верблюдов, и даже с седлами и поводьями; с ними играют в «перекочевку аула», взваливают на них кладь, сгружают ее и т.д. Лошадок вырезают или из местного мягкого известняка, или из дерева, - часто даже с подвижными ногами. Кусочек тряпки изображает при этом седло [Карутц 1903: 86].

Подобное сюжетное «проигрывание» взрослой жизни в играх детей объясняет наличие в составе археологических и этнографических находок миниатюрных версий бытовых предметов, квалифицируемых специалистами как детские игрушки. К примеру, керамическая колыбель не более 6–7 см в длину найдена при раскопках городища Отрара (хранится в Туркестанском областном историко-краеведческом музее в Шымкенте). Детские игрушки в виде фрагментов фигурок животных, а также миниатюрные копии разной посуды найдены и при раскопках средневекового городища Талгар. Достаточное количество комплекций детских игрушек или мини-проекций больших предметов (полное кукольное хозяйство), а именно: моделей колыбели, моделей юрты и ее конструктивных деталей, маленьких вышитых и войлочных ковров, всевозможных одеял (*көрпе*) хранятся в МАЭ РАН и РЭМ.

Несколько образцов казахских кукол хранятся в Омском государственном историко-краеведческом музее в количестве пяти единиц. Это две куклы-мужчины (Рис. 5), кукла девочка, невеста и женщина. Основу всех кукол составляет деревянный каркас. Их одежда

Fig. 5. “Qurchaq” doll. Qazaqs. The end of the 19th – early 20th century [Артемьева 2009]. Collection of Omsk State Museum of History and Local Lore 5-сур. Қуыршақ. Қазақтар. XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басы [Артемьева 2009]. Омбы мемлекеттік тарихи-өлкетану музейінің коллекциясы

Рис. 5. Кукла – «курчак». Казахи. Конец XIX – начало XX века [Артемьева 2009]. Коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея

Fig. 6. Dolls for playing “family” in a yurt. Qazaqs, Kyrgyz. The end of the 19th – the first third of the 20th centuries. Qazaqstan, Northern Kyrgyzstan. Russian Ethnographic Museum [Колчина 2022]

6-сур. Киіз үйдегі «отбасы» қуыршақтары. Қазақтар, қырғыздар. XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың алғашқы жартысы. Қазақстан, Солтүстік Қырғызстан. Орыс этнографиялық мұражайы [Колчина 2022].

Рис. 6. Куклы для игры «в семью» в юрте. Казахи, киргизы. Конец XIX – первая треть XX вв. Казахстан, Северный Кыргызстан. Российский этнографический музей [Колчина 2022].

надета прямо на каркас. Лицо изготовлено из ткани, собранной комком и закрепленной на стержне. Сверху на голову надевается головной убор [Артемьева 2009: 228].

Игрушки были в «полном комплекте» (Рис. 6) вместе с куклами, изображающих девочек и мальчиков, девушек и юношей, женщин и мужчин, а также самих детей и конечно же животных, а также со всеми атрибутами домашней утвари. Что позволяло в полной мере воспроизводить ролевые игры, отражающие практически все аспекты жизни традиционного кочевого общества. Так же предполагает и российский этнограф Инга Стасевич:

к сожалению, материалов XIX – середины XX в. по детским играм с куклами практически нет. По-видимому, суть игры состояла в воспроизведении сценок из обычной жизни семьи. В таком случае посредством игры с куклами девочки знакомились с основными правилами социального устройства жизни, принципами половозрастного деления традиционного общества, нормами традиционного этикета, практиковались в изготовлении и украшении одежды [Стасевич 2007: 167].

Буквально недавно вышла замечательная книга Елены Колчиной, посвященная анализу кукол из фондовых коллекций РЭМ, где автор отмечает, что в процессе изготовления куклы ребенок получал представление об «идеальном» визуальном облике человека, о наиболее значимых чертах мужского и женского образов. Это главное отличие куклы самодельной от фабричной – ребенок становился причастным к таинству рождения прообраза человека [Колчина 2022: 17].

Таким образом, игра с куклами у девочек начиналась примерно с 3 лет, а к 5–6 годам девочку начинали привлекать к посильной домашней работе, в уходе за малолетними братьями и сестрами, с которыми они играли. В этом и последующих возрастах примерно до 10–11 лет, девочки уже на «живых» объектах «апробировали» умения и навыки, приобретенные в процессе игры с куклами. С 13 летнего возраста девочек уже считали готовыми к замужеству (о чем говорит казахская народная пословица «он ұште – отау иесі», дословно означающая «в 13 лет хозяйка/хозяин дома»), то есть полностью овладевшими премудростями ведения хозяйства, изготовления изделий домашнего ремесла. Но, навыки, приобретенные ими в процессе игры с куклой, полностью реализовывались в новой взрослой жизни.

На протяжении всего периода детско-подросткового возраста девочек, а именно в их воспитании в казахском традиционном обществе главенствующую роль играла не только мать, но и вся многочисленная родня женского пола. Возможно, именно к тринадцатилетнему возрасту и прекращалась собственная игра в куклы, ведь девочек уже ждала другая жизнь.

Воспитание девочки изначально было ориентированно на прививании ей приоритетов семейных ценностей. Главной задачей матери было подготовить свою дочь к предстоящей семейной жизни, где немаловажную роль играла и *куыршақ* (кукольное хозяйство в целом, включая и целые гардеробы кукол). Именно, играя с ней/ними и младшими братишками и сестренками девочка – будущая жена, хозяйка и мать усваивала все «внутренние» и «внешние» стороны своей будущей роли. Поэтому мы рассматриваем куклу *куыршақ* не только как «воспитывающее и обучающее» средство, но и как средство, репрезентирующее изначальную суть – женской природы: заботу о потомстве, о своем супруге и сообществе в целом, которое восходит к экзистенциальной сущности Великой Праматери – *Улы Ана*.

Авторская *куыршақ* или феномен художественной куклы Казахстана. Культурные события последних трех-четырёх лет в казахстанской художественной жизни демонстрируют настоящий «кукольный бум». На данный момент успешно функционируют ряд арт-предприятий в области художественной куклы такие как «Творческие сезоны» (руководитель Елена Боровикова), «Центр Вселенной кукол» (руководитель Лариса Сологуб), «Куклы Казахстана» (руководитель Гульфариды Джаниярова) и другие. Современные мастера ис-

пользуют самые разные материалы, техники и способы изготовления кукол. Куклы, создаваемые мастерами из этих центров самые разные, они воплощают собой разные эпохи и стили, образы и сюжеты. Вместе, с тем среди них ни мало кукол с казахским «национальным колоритом». Остановимся на творчестве нескольких мастериц подробнее.

Знаменитым художником современного декоративно-прикладного искусства в стране и за рубежом является Айжан Беккулова. Диапазон ее мастерства большой. Дстойное место в нем занимают куклы. Они изготовлены из дерева, керамики, ткани и войлока, костюмы которых она украшает бисером, монетами и другим декором. Сама художник их относит к категории сакральных обережных кукол. Большим отличием кукол Беккуловой является не только оригинальный дизайн, но и огромные глаза-обереги. Каждой кукле мастерица дает имена – «Магрипа-апа», «Язычица», «Оберег», «Глазастая Богиня» и другие, а все они объединены общей темой «Хранительницы домашнего очага». Беккулова считает, что основа с двумя скрещенными в виде креста палочками символизирует солнце и четыре стороны света, а также кукол клали в колыбель не для игры, а для защиты от злых духов (из материалов интервьюирования мастерицы).

Другая известная казахстанская кукольница, состоящая в Международной организации авторских кукол – Гульфариде Джаниярова. В ее коллекции насчитывается более 250 кукол. Мастерица при создании своих кукол использует современные материалы – DAS, Fimo, паперклей, используя в отделке костюмов натуральный мех, золотое шитье, полудрагоценные камни, стразы. Одним из уникальных проектов мастерицы является «куклы в казахских костюмах», где продемонстрированы герои казахских народных сказок, герои мифов и легенд. Особенно среди них выделялись куклы «Охотник с беркутом», кукла-портрет сакской царицы Томирис, великого полководца Чингисхана, Белый шаман и других личностей, оставивших след в истории степной цивилизации. Этот проект был отмечен многочисленными дипломами и грамотами за высокое мастерство исполнения в республиканских и международных масштабах. При этом, как утверждает сама мастерица, для каждой куклы она сочиняет свой мир, а ее кукла Белый шаман обязательно исполняет желания просящего.

Куклы Гульнары Хамзы пользуются неизменным спросом у ценителей авторской куклы. Исключительной особенностью кукол мастерицы является то, что она создает только кукол-невест в казахском национальном свадебном костюме и обязательно в саукеле. Наряды кукол богато расшиваются бисером в виде казахских орнаментов, имеющих глубокую символику. Художница использует разнообразные декоративные элементы, а костюмы кукол всегда яркие и насыщенные – красные, зеленые, синие, белые и так далее. Костюмы кукол неизменно дополняются традиционными украшениями – кольцами, браслетами, имеют шолпы для волос, серьги, нагрудные подвески – алка.

Кульбарам Ауезбаеву можно назвать потомственной мастерицей декоративного искусства казахов, ее отец был кузнецом, который научил ее изготовлению игрушек из глины и дерева. Сейчас у мастерицы есть собственный небольшой цех по изготовлению национальных игрушек, где куклы занимают особое место. Если одни куклы Ауезбаевой выполнены в простой конусообразной форме, то другие отличаются сложной конструкцией. Среди используемых материалов – дерево, войлок, бисер и другое. Костюмы кукол неизменно нарядные и яркие. Свою любимую куклу мастерица назвала «Карлыгаш», что в переводе с казахского означает *ласточка*. Это одно из самых распространенных имен в Казахстане. Мастер надеется, что ее кукла «Карлыгаш» станет одной из первых ласточек в «кукольном» бизнесе Казахстана.

Созданием оригинальных кукол увлекается и профессиональный художник-постановщик, декоратор Жамбылского областного театра Рахат Сапаралиева. За последние годы она является автором многих сценографических декораций и сценических костюмов для постановок по мотивам казахских эпосов таких как «Еңлік-Кебек», «Қос жебе» и другие. В ее

авторской коллекции ряд интересных кукол. Одна из них – «Степная амазонка», которая выполнена в технике валяния войлока. Это кукла-композиция миниатюрна по размерам, но чрезвычайно детализирована, что возводит ее на уровень текстильных скульптур. Привлекает внимание композиционный ракурс произведения – она изображает девушку, сидящую на коленях с развернутым торсом и натягивает тетиву лука. Спина степной амазонки такая же прямая как тетива, осанка горделивая, взгляд устремлен вдаль, голова высоко поднята. Особенностью кукол мастерицы является особая теплота и легкость, которые обусловлены изящными размерами и мягкими пастельными цветами.

Признанной мастерицей кукол считается художник-модельер Гаухар Сабит. В ее коллекции можно увидеть героев древних мифов и легенд, но все они разные: загадочные, выразительные и всегда колоритные. Объединяющим началом творчества мастерицы служит ненавязчивый национальный колорит и яркие формы выражения мира прекрасного. Куклы мастерицы не раз удостоивались высоких наград на престижных конкурсах и фестивалях.

В целом, современные казахстанские мастерицы кукол неизменно вдохновляются древними образами и стремятся выразить национальное через материал, технологию и образ. Часто в их творчестве встречаются узнаваемые персонажи казахского фольклора «Алдар Косе», «Козы Корпеш и Баян Сулу», просто герои сказок, мифов и легенд. При этом, мастерицы обращаются и к своеобразным куклам-символам и куклам-оберегам. Такие куклы типизированы, обобщены, узнаваемо-универсальны и отражают новый взгляд на этническую куклу в целом. Многие мастерицы считают, что процесс создания куклы является своего рода магическим действием, перед которым они молятся и, который отвлекает их от насыщенного ритма и повседневной суеты современной жизни.

Заключение

Представленный в статье анализ феномена казахской *куыршақ* как неотъемлемой части женской субкультуры показал, что трансформация практики ее использования происходила в единстве сакрального и профанного аспектов. По всей вероятности кукла при сходстве конструкций одинаково успешно функционировала в ритуальных практиках как культовый атрибут, а в детской игре как средство воспитания и инструмент социализации. Однако со временем стали преобладать игровые и художественно-декоративные практики, что можно увидеть на увеличивающемся с каждым днем арт-пространстве авторской куклы.

При исследовании ритуальной практики вкупе с детской игрой в куклы проявляются многие аспекты пережитков идеологии материнского рода, такие как идея плодородия, обереговая функция и хранительницы-очага. С момента изготовления куклы до моделирования игровой ситуации дети получали жизненно важные «уроки» социально-психологической гармонии личности с внешним миром, которая в широком смысле может трактоваться как основа магики-ритуальной практики в традиционном обществе [Шайгозова, Музафаров 2022: 56].

В пользу этой идеи говорит и этимология казахского слова «ойын» («игра»), «где семантика корневой основы данного слова – «ой» – означает «мысль», а ее дериват «ойын» – игру как плод мыслительной деятельности, то «ойыншық» соответственно несет смысловую нагрузку в качестве предмета для игры воображения, результата фантазии, средства для развития интеллектуальных способностей» [Нурпеис 2012: 18] и конечно же, усвоения «открытых» и «скрытых» смыслов этнической культуры. Думается, что таким был «механизм» культурного поля *куыршақ*, до середины XX века – до рубежа полного доминирования кукол европейского типа.

Особый блок составляют авторские или художественные куклы, которые по сути можно классифицировать в русле национального возрождения, характерного всей художественной жизни современного Казахстана. Сейчас часто такие куклы становятся ценными подарками, приобретая статус художественного произведения, варьируясь от реалистичных образов до символических – упрощенно простых, но глубоко содержательных, что не умаляет главного, самой сути традиции – особого трепетного отношения к ней, можно сказать генетической привязанности женщины к кукле, дожившей до реальности XXI века.

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам МАЭ РАН, РЭМ и ЦГМ РК за помощь в фондовых исследованиях. Особенную благодарность известному этнографу Ларисе Федоровне Поповой за консультацию в ракурсе настоящего исследования и казахстанским мастерицам кукол.

Библиография

- Артемьева О.Н. Коллекция детской этнографической игрушки ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 226–232.
- Ахремчик О.Г. Традиционная игровая кукла хакасов в фондовом собрании Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова // Ермолаевские чтения – 2022. Кызыл: Национальная библиотека им. А.С. Пушкина, 2022. С. 114–118.
- Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. Москва: Наука, 1992.
- Белякова О.Б. Символика Умай по материалам погребения на Чулыме // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Москва; Омск: Изд-во Омского педагогического университета, 1999. С. 249–254.
- Ботякова О.А. Куклы народов Средней Азии // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 7. С. 159–172.
- Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1962. Выпуск XXII. С. 26–27.
- Диваев А.А. Материалы А) Этнографические. Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун. (Этнографический очерк) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Том XV, выпуск 3. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1899. С. 307–341.
- Досмурзинов Р.К. Шаманские практики в системе верований казахов и тувинцев (1920–1960-е гг.): сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2023. №1. С. 280–288. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.16>
- Дыренкова Н.П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Москва: Изд-во АН СССР, 1937. С. 123–146.
- Дьяконова В.П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Ленинград: Наука, 1984. С. 30–49.
- Кажгали улы А. Органон орнамента. Алматы, 2003.
- Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1903.
- Кидиекова И.К., Кустова Ю.Г. Женское божество-охранитель из конской лодыжки // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 1. Санкт-Петербург: Периферия, 2012. С. 215–217.
- Колчина Е. Кукла в народной традиции. Игра. Обряд. Коллекция. Москва: Бослен, 2022.
- Кустова Ю.Г. Детские игрушки из кости и ритуалы с ними у хакасов // Вещь и обряд: рациональное и иррациональное в архаике: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики». Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2018. С. 82–91.

- Мартиневич Н. Турецкий театр «Карагөз» // Живая старина. Выпуск 2–3. Год 17. Книжки 70–71. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1909. С. 94–105.
- Нурпеис М.Е. Художественная кукла Казахстана: традиции и современное состояние: дисс...магистра искусствоведения. Казахская национальная академия им. Т.Жургенова. Алматы, 2012.
- Нысанбаев Ә. (ред.). Қорқыт Ата = Коркут ата: энциклопедиялық жинақ. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1999.
- Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 17. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1957. С. 22–94.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. Вып. 3–4. Материалы этнографические. Санкт-Петербург: Типография В.Киршбаума, 1883.
- Сейдембек А. Мир казахов. Этнокультурологическое осмысление. Астана: Фолиант, 2011.
- Семби М. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (Тюркский меридиан). Алматы: КазНИИК, 2013.
- Серебрякова М.Н. Доисламские черты в турецком обряде вызывания дождя ягмур дуасы и значение применения обрядовой куклы в его атрибутике // Кюнеровские чтения, 1995–1997 гг. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1998. С. 128–130.
- Серебрякова М.Н. Турецкий теневой театр Карагез. Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015.
- Стасевич И.В. Девочка, девушка, женщина в традиционном обществе казахов. Специфика воспитания и место в социальной структуре // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. Санкт-Петербург, 2008. С. 318–337.
- Стасевич И.В. Игровое воспитание и обучение детей в традиционной культуре казахов // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований 2006–2007 гг. Санкт-Петербург, 2007. С. 166–171.
- Толубаев А.Т. Реликты домусульманских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). Алма-Ата: Фалым, 1991.
- Тохтабаева Ш.Ж. Этикет казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2013.
- Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: избранное в 2-х книгах. Книга 2. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. Москва: Наука, 2008.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- Шайгозова Ж.Н., Музафаров Р.М. Феномен куклы в игровом и образовательном аспектах // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2022. № 2. С. 56–67. <https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-90-2-56-67>
- Fayzullina G.Ch., Karabulatova I.S., Fattakova A.A., Ermakova E.N., Sayfulina F.S. The Anthropomorphous Dolls-Patrimonial Idols of Attanay and Their Place in the Language Picture World of the Siberian Tatars // The Social Sciences. 2016. № 11 (18). P. 4448–4456.

References

- Akhremchik, O. 2022. Tradicinnaja igrovaja kukla hakasov v fondovom sobranii Minusinskogo muzeja N.M. Mart'janova [Traditional Khakass play doll in the collection of the N.M. Martyanov Minusinsk museum]. In: *Ermolaevskie chtenija – 2022* [Ermolaev readings – 2022]. Kyzyl: Pushkin National Library, 114–118 (in Russian).
- Artemyeva, O. 2009. Kollekcija detskoj jetnograficheskoj igrushki OGIK muzeja [Collection of children's ethnographic toys of the OGIK museum]. In: *Bulletin of the Omsk state historical and local history museum*, 15, 226–232 (in Russian).
- Basilov, V. 1992. *Shamanstvo u narodov Srednej Azii i Kazahstana* [Shamanism among the peoples of Central Asia and Qazaqstan]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Belyakova, O. 1999. Simvolika Umaj po materialam pogrebenija na Chulyme [Symbolism of Umaj based on burial materials at Chulyum]. In: *Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh*

- issledovanij [Integration of archaeological and ethnographic research].* Collection of scientific papers. Moscow; Omsk: Publishing House of Omsk Pedagogical University, 249–254 (in Russian).
- Botyakova, O. 1995. Dolls of the peoples of Central Asia [Dolls of the peoples of Central Asia]. In: *Kunstkamera: Ethnographic notebooks [Kunstkamera: Ethnographic notebooks]*. Issue 7, 159–172 (in Russian).
- Chernikov, S. 1960. *Vostochnyj Kazahstan v jepohu bronzy [Eastern Qazaqstan in the Bronze Age]*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Divaev, A. 1899. Materialy A) Jetnograficheskie. Iz oblasti kirgizskih verovanij. Baksy, kak lekar' i koldun. (Jetnograficheskij ocherk) [Materials A) Ethnographic. From the field of Kirghiz beliefs. Baksy as a healer and sorcerer. (Ethnographic essay)]. In: *News of the Society of Archaeology, History, and Ethnography at the Imperial Kazan University*. Vol. XV, Issue 3. Kazan: Typolithography of the Imperial Kazan University, 307–341 (in Russian).
- Dosmurzinov, R. 2023. Shamanskije praktiki v sisteme verovanij kazahov i tuvincev (1920–1960-e gg.): sravnitel'nyj analiz [Shamanic practices in the belief system of the Qazaqs and Tuvans (1920-1960s): a comparative analysis]. In: *New studies of Tuva*, 1, 280-288 (in Russian) DOI:10.25178/nit.2023.1.16.
- Dyakonova, V. 1984. Nekotorye jetnokul'turnye paralleli v shamanstve tjurkojazychnyh narodov Sajano-Altaja [Some ethnocultural parallels in the shamanism of the Turkic-speaking peoples of the Sayano-Altai]. In: *Jetnokul'turnye kontakty narodov Sibiri [Ethnocultural contacts of the peoples of Siberia]*. Leningrad: Nauka, 30–49 (in Russian).
- Dyrenkova, N. 1937. Perezhitki ideologii materinskogo roda u altajskih tjurkov [Vestiges of the ideology of the maternal lineage among the Altai Turks]. In: *Pamjati V.Bogoraza (1865–1936) [In memory of V.Bogoraz (1865–1936)]*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 123-146 (in Russian).
- Gryaznov, M. 1962. Antropomorfnaia figurka bronzovogo veka s reki Obi [An anthropomorphic figurine of the Bronze Age from the Ob River]. In: *Communications of the State Hermitage*. Issue 22, 26–27 (in Russian).
- Karutz, R. 1903. *Sredi kirgizov i turkmen na Mangyshlake [Among the Kirghiz and Turkmens on Mangyshlak]*. Saint Petersburg: Devrien Edition (in Russian).
- Kazhgali Uly, A. 2003. *Organon ornamenta [Organon of Ornament]*. Almaty (in Russian).
- Kidiekova, I., Kustova, Yu. 2012. Zhenskoe bozhestvo-ohranitel' iz konskoj lodyzhki [Female Guardian Deity Made of Horse Ankle]. In: *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami [Steppe Cultures of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]*. Book 1. Saint Petersburg: Periphery, 215–217 (in Russian).
- Kolchina, E. 2022. *Kukla v narodnoj tradicii. Igra. Obrjad. Kollekcija [Doll in Folk Tradition. Game. Rite. Collection]*. Moscow: Boslen (in Russian).
- Kustova, Yu. 2018. Detskie igrushki iz kosti i ritualy s nimi u hakasov [Children's Bone Toys and Rituals with Them among the Khakass]. In: *Veshh' i obrjad: racional'noe i irracional'noe v arhaike: Sbornik nauchnyh trudov seminara «Teorija i metodologija arhaiki» [Thing and Ritual: Rational and Irrational in Archaic Art: Collection of Papers of the Seminar "Theory and Methodology of Archaic Art"]*. St. Petersburg: MAE RAS, 82–91 (in Russian).
- Martinovich, N. 1909. Tureckij teatr «Karagöz» [Turkish Theatre "Karagöz"]. In: *Zhivaja starina [Living Antiquity]*. Issue 2–3. Year 17. Books 70–71. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways, 94–105 (in Russian).
- Nurpeis, M. 2012. *Hudozhestvennaja kukla Kazahstana: tradicii i sovremennoe sostojanie [Artistic Doll of Qazaqstan: Traditions and Current State]*. Dissertation of the Master of Art Criticism. Zhurgenov Qazaq National Academy. Almaty (in Russian).
- Nysanbayev, A. (ed.). 1999. *Qorqyt Ata (Korkut ata): enciklopedijalyq zhinaq [Korkyt Ata = Korkut ata: encyclopedic collection]*. Almaty: Qazaq encyclopedias (in Qazaq, in Russian).

- Peschereva, E. 1957. Igrushki i detskie igry u tadjikov i uzbekov [Toys and children's games among Tajiks and Uzbeks]. In: *Sbornik muzeja antropologii i jetnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. 17. St. Petersburg: MAE RAS, 22–94 (in Russian).
- Potantin, G. 1883. *Oчерки Severo-zapadnoj Mongolii. Materialy jetnograficheskie [Sketches of Northwestern Mongolia. Ethnographic materials]*. Vol. 3–4. St. Petersburg: Printing house of V. Kirshbaum (in Russian).
- Sembi, M. 2013. *Pamjat' zemli tjurko-mongol'skoj: istoki i simbolika toponimov (Tjurkskij meridian) [Memory of the Turkic-Mongolian land: origins and symbolism of toponyms (Turkic meridian)]*. Almaty: Qazaq Research Institute of Culture (in Russian).
- Serebryakova, M. 1998. Doislamskie cherty v tureckom obrjade vyzvaniya dozhdya jagmur duasy i znachenie primeneniya obrjadovoj kukly v ego atributike [Pre-Islamic features in the Turkish rain-making ritual yagmur duasy and the significance of using a ritual doll in its attributes]. In: *Kjunerovskie chteniya [Kyuner readings]*, 1995–97. St. Petersburg: MAE RAS, 128–130 (in Russian).
- Serebryakova, M. 2015. *Tureckij tenevoj teatr Karagez. Obrazy i znaki v tradicijah Juzhnoj i Jugo-Zapadnoj Azii [Turkish shadow theater Karagez. Images and signs in the traditions of South and Southwest Asia]*. St. Petersburg: MAE RAS (in Russian).
- Seydembek, A. 2011. *Mir kazahov. Jetnokul'turologicheskoe osmyslenie [The world of the Qazaqs. Ethnocultural understanding]*. Astana: Foliant (in Russian).
- Shaigozova, Zh., Muzafarov, R. 2022. Fenomen kukly v igrovom i obrazovatel'nom aspektah [The Phenomenon of the Doll in the Play and Educational Aspects]. In: *Bulletin of the Qazaq National Women's Pedagogical University*, 2, 56–67 (in Russian) DOI:10.52512/2306-5079-2022-90-2-56-67.
- Stasevich, I. 2007. Igrovoe vospitanie i obuchenie detej v tradicionnoj kul'ture kazahov [Play education and training of children in the traditional culture of the Qazaqs]. In: *Lavrovskij sbornik [Lavrovsky collection]*. Materials of the Central Asian-Caucasian studies 2006–2007. St. Petersburg, 166–171 (in Russian).
- Stasevich, I. 2008. Devochka, devushka, zhenshina v tradicionnom obshhestve kazahov. Specifika vospitanija i mesto v social'noj structure [Girl, young woman, woman in traditional Qazaq society. Specifics of upbringing and place in the social structure]. In: *Rakhmat-name: Collection of articles for the 70th anniversary of R.R. Rakhimov*. St. Petersburg, 318–337 (in Russian).
- Tokhtabaeva, Sh. 2013. *Jetiket kazahov [Etiquette of the Qazaqs]*. Almaty: Daik-Press (in Russian).
- Toleubaev, A. 1991. *Relikty domusul'manskih verovanij v semejnoj obrjadnosti kazahov (XIX – nachalo XX vv.) [Relics of pre-Muslim beliefs in the family rituals of the Qazaqs (19th – early 20th centuries)]*. Alma-Ata: Gylym (in Russian).
- Tsivyan, T. 2008. *Jazyk: tema i variacii: izbrannoe v 2-h knigah. Antichnost'. Jazyk. Znak. Mif i fol'klor. Pojetika [Language: Theme and Variations: Selected Works in 2 Books. Antiquity. Language. Sign. Myth and Folklore. Poetics]*. Book 2. Moscow: Nauka (in Russian).

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.03.2024

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 13.04.2024

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.05.2024

